

GEMINI MAN

ОФИЦИАЛЬНАЯ НОВЕЛЛИЗАЦИЯ

ГЕМИНИ

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г33

GEMINI MAN

This translation of Gemini Man, first published in 2019,
is published by arrangement with Titan Publishing Group Ltd.

© 2019 Skydance Productions LLC.
All Rights Reserved.

Г33 **Гемини** : официальная новеллизация фильма / [перевод с английского С. Рюмина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-105813-5

Генри Броган, элитный киллер, становится мишенью таинственного агента, который предвидит каждый его шаг. К своему ужасу, скоро он выясняет, что человек, пытающийся его убить, — это клон, молодая, быстрая версия его самого.

Официальная новеллизация долгожданного нового фильма от лауреата премии «Оскар» режиссера Энга Ли («Жизнь Пи», «Крадущийся тигр, затаившийся дракон») с двукратным номинантом на премию Киноакадемии Уиллом Смитом в главной роли.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-105813-5

© С. Рюмин, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Поезд из бельгийского Льежа шел до Будапешта, петляя по Германии и Австрии, вдоль юго-западной границы Словакии, прежде чем достигнуть конечной точки, расположенной на полпути от севера до центра Венгрии. Путешествие могло занять всего тринадцать часов или круглые сутки в зависимости от того, как часто приходилось делать пересадки. На одном поезде от Льежа до Будапешта не добраться. Четыре-пять пересадок считались в порядке вещей, хотя на некоторых маршрутах приходилось пересаживаться и семь, и даже десять раз.

Так что маршрут Валерия Дормова вышел на загляденье — всего две пересадки, одна во Франкфурте, вторая в Вене, и одиннадцать остановок. Или двенадцать, если считать сам Будапешт. Время в пути не больше тринадцати часов.

Удивительный план поездки наметил не сам Валерий, а некий безликий работник, имеющий дар видеть расписание в трехмерном формате, где большинство людей видят колонки цифр, которые они не способны расшифровать. Дормов вообразил, как ра-

ботник выходит из кабинета в подвале и представляет свой перл на суд начальства, а потом, вместо оваций или хотя бы похлопываний по плечу, выслушивает поток недовольных замечаний по поводу множества остановок. Но совсем без остановок маршрутов не бывает. В Европе железные дороги проходят не в за-холустье.

Валерия Дормова количество остановок не тревожило, зато оно тревожило его телохранителей. Каждая была чревата нападением или проникновением на поезд ликвидатора; перегоны были еще опаснее. Эскорт подробно проинформировал Валерия, как они собираются охранять его жизнь на вокзалах Франкфурта и Вены, подчеркивая, насколько важно в точности выполнять все их указания.

Дормов хотел было возразить, что для потенциального убийцы было бы логичнее сесть с ними на поезд в Льеже, но почувствовал, что парням не понравится, если он полезет с советами, а потому просто кивнул. Валерию перевалило за шестьдесят, и он был рад, что остались всего два этапа пути — больше не придется срывать с места каждые несколько часов и бегать по вокзалам в сопровождении трех здоровенных издерганных охранников. Не то что бы он страдал от какого-то недуга — на последнем медосмотре в США сорокалетний врач сказал, что завидует нормальному кровяному давлению и мышечному тонусу Дормова, — а просто потому, что находился в пути уже несколько дней и порядком устал. Он

ГЕМИНИ

был не прочь просидеть оставшиеся тринадцать часов, не отрывая зад. К сидению на одном месте он привык и не воспринимал его как неудобство.

Ехать поездом предложил сам Дормов. По воздуху он, конечно, добрался бы быстрее, но объяснил куратору, что если американцы пожелают его перехватить, то в первую очередь расставят своих людей в аэропортах и даже привлекут на подмогу местных охранников. За железнодорожными вокзалами, разумеется, тоже следили, однако в массе пассажиров затеряться легче — даже с телохранителями. Если честно, Дормов просто не любил летать самолетами. На поезде хотя бы можно в любой момент сходить в туалет, что в его возрасте немаловажно.

Он подозревал, что, если бы даже изъявил желание лететь в Москву самолетом, тамошние бюрократы зарубили бы идею на корню. Не потому, что авиапассажиров легче выследить, а чтобы поставить его на место — в России были, конечно, довольны, что он возвращался на родину, однако это вовсе не означало, что достаточно щелкнуть пальцами, и все бросятся исполнять его желания. Бюрократы всегда становятся в позу, чтобы хоть как-то скрасить унылость своей доли. Дормов на них не обижался. Он тоже мог показать, что и после тридцати пяти лет, проведенных в Штатах, не разложился и не стал капризным.

По правде говоря, с возрастом Дормов ко многим вещам стал относиться проще. Например, лет двадцать назад его бы страшно раздражала девочка,

бегающая туда-сюда по проходу и тараторящая по-французски с мягким бельгийским акцентом. Теперь он был не против детей и детских шалостей, особенно если из ребенка прет наружу восторг от поездки на поезде. Пройдет совсем немного времени, и малышку застрашают, загонят в серость и заурядность, которые во многих местах выдаются за добропорядочность. Или же она станет циничной и вредной, придираясь ко всем и каждому, неоправданно считая, что это ее как-то выделяет или делает умнее.

Поезд еще не покинул вокзал, а сидящий рядом телохранитель в тысячный раз спросил, не желает ли Валерий кофе или перекусить. Дормов покачал головой и отвернулся к окну. Двое других охранников — типичные русские богатыри, невозмутимые, каменнолицые, но куда более внимательные, чем могло показаться остальным пассажирам, сидели по другую сторону маленького столика.

Сосед же выглядел моложе и неопытнее. Видимо, был на задании в первый раз и еще не понял, что от него требуется сидеть тихо и смотреть волком или, на худой конец, делать неприступный вид. Он то и дело спрашивал Валерия, не желает ли он чего поесть или выпить, удобно ли ему, не нужно ли принести одеяло.

Да, Юрий говорил, что много людей ждут не дождутся возвращения блудного ученого в лоно матушки России. Юрий не мог удержаться, чтобы не расцветить фразу. Наверное, потому, что работа Юрия требовала от него часто бывать как на Западе, так

ГЕМИНИ

и на Востоке. У агентов из-за этого проявляются некоторые странности.

Между Востоком и Западом существовало много схожестей, но различий было больше. Бюстье Мадонны на лоно матушки России не натянуть. Дормов всегда втайне считал, что крушение Берлинской стены и последовавший за ним развал Советского Союза были обусловлены тремя факторами — Мадонной, MTV и ароматизированной туалетной бумагой. А уж когда появился интернет, на прошлом окончательно поставили крест.

Все началось еще в памятном 1984 году, когда американцы стали обхаживать его, обещая технологический рай, в котором можно жить, не опасаясь отступлений от линии партии и недремлющего ока тайной полиции. Мысль показалась Валерию замечательной. Однако за последующие три с половиной десятилетия Дормов усвоил, что тайная полиция способна рядиться в разные одежды. Если человек не сидит в сибирском ГУЛАГе, это еще не значит, что он не в тюрьме (даже если там есть мягкая туалетная бумага).

К тому же существует вопрос этики. Боже ж мой!

Он всегда старался придерживаться этики и морали, не поступаться совестью. В перенаселенном мире это нелегкая задача. Валерий родился в год смерти Иосифа Сталина, в те времена подобные вещи понимали конкретно. Сталин превзошел Гитлера в душегубстве, причем истреблял в основном русских. Жить

при советском режиме было тяжело, однако этика и мораль были определены совершенно четко.

Дормов уехал в США не из-за MTV и туалетной бумаги, а потому что был уверен — рано или поздно с партией ему окажется не по пути. Ему не улыбалось проснуться однажды утром в ГУЛАГе, где лучшей наградой могли быть разве что выколотые на спине церковные купола.

Решение покинуть США далось куда труднее.

Молодой, заискивающий телохранитель с левого бока в очередной раз предложил подушку, Дормов в очередной раз отрицательно покачал головой. Двое напротив не подавали вида, но Валерий заметил, как они бегло переглянулись. Должно быть, недоумевают, зачем он терпит подобную навязчивость. Дормов мысленно усмехнулся. Третий охранник совсем еще ребенок, его поведение — разновидность все той же детской беготни и трескотни. Пробыв тридцать пять лет в эмиграции, Дормов с удовольствием слушал родную речь в исполнении другого русского, а не американца, пусть даже научившегося не коверкать произношение.

Двое других телохранителей за всю дорогу едва ли обменялись с ним парой слов, лишь кратко объяснили план пересадок с поезда на поезд да проверили на GPS-маячки и «жучки». Эти устройства теперь выпускали такими миниатюрными, что проходящий мимо оперативник мог прицепить его, ненароком

ГЕМИНИ

задев тебя на улице, на вокзале или прямо в поезде, пока ты сидишь на своем месте, и никто ничего не заметит.

Все эти уловки были Валерию хорошо знакомы — американцы здорово натаскали его различать слежку, пусть даже не всегда умышленно. Время от времени кто-нибудь, совершенно не связанный со шпионажем, пытался установить «жучки» в его лаборатории и даже у него дома. Дормов всегда это замечал, потому что гости представлялись работниками госорганизаций, о которых он никогда не слышал. В таких случаях он отказывался продолжать работу, пока его лабораторию не почистят — *всю* лабораторию, включая туалетные комнаты. Все, кого интересовало, чем занимался он и его помощники, могли просмотреть записи с «жучков», установленных совершенно официально.

Дормов решил вернуться на родину не из-за слежки. Он чертовски хорошо понимал, что в Москве за ним будут следить еще пристальнее — Советский Союз канул в Лету, но старые привычки живучи. Российские власти в отличие от американцев вели наблюдение без угрызений совести. В России само собой подразумевалось, что за тобой кто-то где-то следит. В США же много говорят о «прайваси» и праве на защиту личной жизни от попопзновений государства, из-за этого прослушивающие устройства приходится делать миниатюрнее и лучше их прятать.

После 11 сентября 2001 года средний американский гражданин окончательно запутался в конфликте

между личной «прайваси» и национальной безопасностью. Нельзя сказать, что американские госорганы раньше не пользовались прослушками, «жучками» и не совали свой нос в личные дела лиц, которых считали угрозой национальной безопасности. Разведслужбы любили пользоваться расплывчатым термином «национальная безопасность» как предлогом, чтобы не объяснять свои действия или вообще в них не признаваться.

И все-таки государственная слежка — это одно, а то, о чем его недавно попросили, — совершенно другое, на такое он не мог пойти. Дормов никогда не был сторонником коммунизма советского образца, однако и капитализм, если ему дать волю, был не лучше, а, возможно, много хуже. Его всегда преследовало чувство, что рано или поздно наступит предел, и тогда придется навсегда покинуть Запад. В конце концов, он понял, что американцы не отпустят его на пенсию — он слишком много знал и представлял собой угрозу для их национальной безопасности. Настало время срочно уносить ноги и возвращаться на родину.

Россия, конечно, не утопия вроде «Города Солнца», и Валерий не питал иллюзий насчет того, почему там обрадовались его возвращению, — доступ к спрятанным в его голове знаниям для них блестящая победа. Вдобавок, это разозлит американцев. Ничего личного, по крайней мере, большую чашку приличной солянки ему дадут. И кувшин кваса — настоящего, а не

ГЕМИНИ

подслащенную водичку в бутылках, какую продают в американских магазинах деликатесов.

Дормов посмотрел из окна на плавные линии арочной крыши. От облика Льежского вокзала захватывало дух. Увидев его в первый раз, Валерий подумал, что перед ним гигантская белая волна, которая каким-то чудом застыла на месте, волна с желобками. Она целиком состояла из стали, стекла и белого бетона, не имела ни фасада, ни портала — сплошной шатер крыши. Желобки оказались белыми бетонными балками. Когда светило солнце, они отбрасывали геометрические узорчатые тени.

По словам услужливого охранника, таков был фирменный стиль архитектора — Сантьяго Калатравы Вальса. Конструкция привела Валерия в восхищение, он был бы не прочь встретиться с человеком, чей разум был способен породить такую штуку. В то же время вокзал выглядел совершенно чудно — как инопланетный объект. Ан нет — вокзал находился там, где ему и положено быть. Это Валерий не находил себе места.

Он списывал тревогу на тоску по родине. Постепенно перемещаясь с Запада на Восток, Дормов начал ощущать, насколько истосковался по дому за тридцать с лишним лет; чем ближе он приближался к лону матушки-России, тем больше у него щемило в груди.

После прибытия в Будапешт можно вздохнуть с облегчением, выйти на контакт с Юрием. Венгрия еще не родина, но уже не Запад. Если не найдется солянки и кваса, сойдут гуляш в казанке и водка.

GEMINI MAN

* * *

В нескольких милях юго-восточнее города, на голой вершине холма, с которой открывался вид на долину, во внедорожнике сидел мужчина по имени Генри Броган. Вытянутая мускулистая рука с шоколадной кожей покоилась на руле, водитель смотрел вдаль. Случайный наблюдатель мог бы подумать, что человек приехал в пустынное место побыть наедине с собой, подвести жизненные итоги, поразмышлять над тем, как он дошел до этого момента в жизни, и решить, что делать дальше.

Более внимательный наблюдатель заметил бы прямую осанку и связал бы ее со службой в армии. Когда-то Генри действительно служил в морской пехоте, но эти дни давно миновали. От тех времен, помимо навыков, которые он развил и отточил до невероятной степени, осталась небольшая татуировка на правом запястье — зеленый туз пик. Он мог бы избавиться от нее вместе с формой и прочим армейским барахлом, да только символ этот был для него важнее всех медалей и благодарностей, полученных за все время службы. Глядя на этот знак, Генри видел в нем самую сокровенную и важную часть своей сущности, что другие люди называли бы душой, хотя сам он не любил рассуждать на эту тему. К счастью, от него этого и не требовалось — все умещалось в маленьком зеленом тузе пик, изящном и четком, как и все, чем он занимался.

На данный момент внимание Генри занимали железнодорожные пути в 800 метрах от холма, по

ГЕМИНИ

которым вот-вот должен был пройти поезд из Льежа. Он периодически посматривал на фотографию, прикрепленную клейкой лентой к зеркалу заднего вида, — нечеткому портрету, скопированному то ли с паспорта, то ли с водительского удостоверения, а может быть, с пропуска сотрудника учреждения. Черты лица однако было нетрудно разобрать. Внизу четкими буквами было напечатано имя: ВАЛЕРИЙ ДОРМОВ.

* * *

Монро Рид любил ездить по старому континенту поездом. Европейцы знают толк в наземных путешествиях. Он тоже научился их ценить — воздушные требовали все больше хлопот и предоставляли все меньше удобств. Мало того что приходилось уйму времени проводить в очередях к рамке металлоискателя и позволять рабочей пчелке в униформе щупать тебя где попало, авиакомпания к тому же имели теперь два, а то и три типа второго класса — и все обратные.

Работая в паре с Генри, он был избавлен от утомительных пассажирских авиарейсов. Однако временами РУМО поручало индивидуальное задание или просило задержаться и «навести порядок». Для мелких сошек вроде Монро служебных самолетов контора не высылала. В таких случаях приходилось по шесть часов слушать детский рев и терпеть удары детских ног в спинку кресла, — девочка-трешотка в проходе была не лучше. Сколько ей лет — шесть,